

8. EU restrictive measures [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/06/19-crimea-eu-extends-restrictions-illegal-annexation/>.

9. Crimea : EU extends restrictions in response to illegal annexation [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/06/19-crimea-eu-extends-restrictions-illegal-annexation/>.

ФОРМАЛЬНО-МОДАЛЬНОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО- ПРАВОВОГО АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАЖЕНИЯ

Анатолий ПАВЛЮК,

помощник судьи

Черновицкого окружного административного суда

Summary

Formally modal institutionalization of substantive objection (ger. Einwendung, ukr. відведення, абсолюте заперечення, rus. абсолютное возражение) is dealt with. Formal institutionalization of the objection of this kind is performed on the basis of definitional extension of previously ad hoc reduced S5 system whose study was pioneered in C. I. Lewis's works (1916, 1932) (the so called S5± formal system). The modal institutionalization of substantive objection, that is, the interpretation (specification, modeling) of the aforesaid S5 and S5± formal systems is in the first turn exercised on the basis of such meta-deontic characteristics of subjective legal claim as juridical feasibility, validity, exclusivity, and their negations. Besides, the deontic characteristics of legal norm proper (obligation, restraint, relative and absolute right, etc) are taken into account, as well as such persuasive characteristics of legal norm applicability as positive, negative, satisfactory, unsatisfactory, exclusive, and non-exclusive. It results in the fact that the modal nature of substantive objection is defined within the frame of such meta-characteristic of the legal effect of legal norm as the lapse of right of claim appearing on the background of negative conditions of application of legal norm.

Key words: substantive objection, formal system, formalization and interpretation, institutionalization, feasibility, validity, invalidity, exclusivity, right of claim.

Аннотация

Статья содержит анализ формально-модального конституирования материально-правового абсолютного возражения (англ. objection, нем. Einwendung, укр. відведення, абсолюте заперечення). Формальное конституирование такого рода возражения производится на основании дефиниционного расширения предварительно ad hoc редуцированной системы S5, начало исследования которой положено работами К. Льюиса (1916, 1932 гг.) (так называемая формальная система S5±). Модальное конституирование материально-правового абсолютного возражения, т. е. интерпретация (конкретизация, моделирование) упомянутых выше формальных систем S5 и S5±, осуществляется, в первую очередь, на основаниях таких метадеонтических характеристик субъективного права требования, как юридическая осуществимость, действительность, исключительность и их отрицание. Кроме того, во внимание принимаются собственно деонтические характеристики правовой нормы (обязанность, запрет, относительное и абсолютное право и прочее), а также такие аргументативные характеристики условий применения правовой нормы, как положительные, негативные, удовлетворительные, неудовлетворительные, исключительные, неисключительные. В результате, модальная природа материально-правового абсолютного возражения определяется в рамках метахарактеристики правового последствия правовой нормы как недействительность права требования, которая возникает на основании негативных условий применения правовой нормы.

Ключевые слова: материально-правовое абсолютное возражение, формальная система, формализация и интерпретация, конституирование, осуществимость, действительность, недействительность, исключительность, право требования.

Постановка проблемы. Материально-правовое абсолютное возражение (последнее слово, соответственно, переводится как англ. objection, нем. Einwendung, укр. відведення, абсолюте заперечення) соотносится в рамках теории основных правовых норм с возражением относительным и юридически в полной мере обоснованным правом требования. Возникает вопрос: как форма-

лизуется соответствующая теория, который продолжается в вопросе: что собой представляет данная теория с модальной точки зрения? Особый интерес при этом составляет акцент на определении в рамках соответствующей формальной системы и ее интерпретации собственно материально-правового абсолютного возражения (как правопрепятствующего, так и правопрекращающего [1; 2]).

Актуальность темы. Проблема материально-правового абсолютного возражения чаще всего исследуется, если вообще исследуется, в рамках анализа системы основных норм права (Я. Шапп, Р. Циппелиус, В. Трутенбит. д.). Такого рода подход уделяет одинаковое внимание всем типам основных норм, не останавливаясь на каком-либо одном из них. Поэтому актуальным представляется направление исследования, которое, с одной стороны, принимает в расчет систему основных норм права в целом, а с другой – более глубоко исследует одну из разновидностей такого рода норм, в частности материально-правовое абсолютное возражение.

Это особое отношение к абсолютному возражению можно осуществить принимая во внимание системный подход (структура, субстрат, концепт системы за А. Уемовым [3, с. 126 и далее]) к праву в форме его конкретизаций (нормативно-ценностной и метанормативной), опосредованных применением по аналогии принципа семантического реализма (В. Переверзев, Г.Х. фон Вригт) [4, с. 35; 5, с. 246], тремя способами именно в рамках наиболее адаптированной для философско-правового конституирования абсолютного возражения правовой реальности как метанормативной системы: во-первых, путем определения релевантной формальной системы, во-вторых, в рамках ее модальной интерпретации, а также на основании анализа так называемого апеллятивно-коммуникативного субстрата соответствующей правовой реальности, в-третьих, с помощью определения концептуального значения идеи права (свобода, справедливость, юридическая определенность). Принимая во внимание ограниченный размер статьи, остановимся на анализе только формальной системы основных норм права и ее модальной интерпретации преимущественно с точки зрения материально-правового абсолютного

возражения, т. е. в нашем случае на формально-модальном конституировании такого рода возражения.

Цель статьи – обоснование того факта, что формальная система $S5_{\pm}$ является достаточной для надлежащего модального определения материально-правового возражения, т. е. для доказательства того, что метадеонтически-аргументативная природа такого рода возражения раскрывает свое содержание с помощью понятий, соответственно, недействительности права требования и негативности условий применения правовой нормы.

Основными методами являются методы семантической формализации и интерпретации [4, с. 195], а именно построение системы $S5_{\pm}$ и ее модальной интерпретации. Кроме того, доказательство соответствующих формул ведется путем использования так называемой матрицы Витгенштейна (обобщенной и числовой) [6, с. 134–136; 7, с. 13], «Логико-философский трактат», № 5.101, определяется по формуле $2n$, в нашем случае $2^3=8$ или $2^4=16$.

Матрица № 1

1	2	3	4	5	6	7	8
1	1	1	1	0	0	0	0
1	1	0	0	1	1	0	0
1	0	1	0	1	0	1	0
	b	~c	a	~a	c	~b	

Изложение основного материала исследования. Формальное конституирование: системы $S5$ и $S5_{\pm}$. Система $S5$ является формальной системой, которая, по Р. Фейсу, интерпретируется на основе 6 несводимых алетических модальностей: четыре из них представляют собой собственные модальности, которые имеют первую степень, а именно:

– «возможно» ($\diamond p$) и «невозможно» ($\sim \diamond p$ или $\square \sim p$);

– «необходимо» ($\square p$) и «не необходимо», или «случайно» ($\sim \square p$ или $\diamond \sim p$).

В дополнение к этому имеют место две модальности нулевой степени: p и $\sim p$.

Три модальности положительные, импликация между ними: $\square p \rightarrow p \rightarrow \diamond p$.

Три модальности негативные; импликация между ними: $\sim \diamond p \rightarrow \sim p \rightarrow \sim \square p$ [8, с. 138–139]. Символы здесь и дальше упрощены и обозначают следующее: $\square$ – необходимость, $\diamond$ – возможность, $\sim$ – не, $\rightarrow$ – если ..., то ... (материальная импликация), а классическая аксиоматика приведена на с. 58–63, 83–84, 137–138 «Модальной логики» Р. Фейса [8]. Следует отметить, что «случайно» может иметь и другое значение, отличное от предложенного Р. Фейсом.

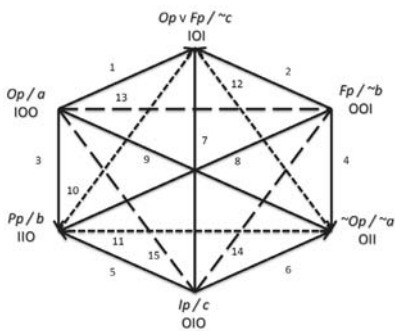
Система $S5$ с точки зрения определения в конечном итоге модального характера правовой нормы имеет два существенных недостатка. Так, она, с одной стороны, является избыточной, с другой – пробельной. Именно поэтому она нуждается в соответствующем расширении и сужении, а именно: в 1) отказе от анализа (актуальной) действительности и 2) введении понятия случайности, которое не будет совпадать с понятием не необходимости. В первом случае речь идет о редукции ad hoc, т. е. о такой редукции, которая является применимой для решения определенной задачи, но не затрагивающей постулаты соответствующей системы – несводимые модальности до 4 из 6 из них, о которых речь шла выше. В таком случае остаются такие модальности, как необходимость, не необходимость, возможность (которая понимается как потенциальная действительность), невозможность. Во втором – о введении понятия случайности, которое не будет совпадать с понятием не необходимости, путем дефинициального расширения соответствующей теории [9, с. 386], ($\nabla \leftrightarrow \diamond p \ \& \ \diamond \sim p$, ∇ – случайность, $\leftrightarrow$ – эквивалентность, $\&$ – и), соответ-

Расширенная матрица № 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0
1	1	1	1	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0	0	0
1	1	0	0	1	1	0	0	1	1	0	0	1	1	0	0
1	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1	0
	b					~c	a	~a	c					~b	
(8)	(3)	(12)	(1)	(10)	(15)	(14)	(6)	(5)	(13)	(16)	(9)	(2)	(11)	(4)	(7)

ственно, неслучайности, которое контраридикторно по-новому определенному понятию случайности. Итак, если такую систему обозначить $S_{\pm}$, то в ней снова будет 6 модальностей: необходимость, не необходимость, возможность, невозможность; случайность, неслучайность (или модальностей не алетических, а метадеонтических, деонтических или аргументативных). Такая система может быть представлена в форме шестиугольника, который можно увидеть в известной монографии «Логика норм» А. Ивина на с. 52 [10] (мы дополнили схему путем указания буквенных символов (a, b, c) и симплифицированных числовых значений (001 и т. д.).

Экспликация: «стрелка означает здесь следование выражения, стоящего у ее острия, из выражения, стоящего у ее основания. Сплошная линия указывает, что соединяемые ею выражения не могут быть вместе истинными и не могут быть вместе ложными (если допускается, что нормы имеют истинностное значение). Частая пунктирная линия соединяет выражения, не могущие быть вместе истинными, редкая – выражения, не могущие быть вместе ложными» [10, с. 52].

Отношения и структуры, представляемые данной схемой, можно выразить с помощью формул:

(1) $Op \rightarrow Op \vee Fp$,	(9) $Op \vee \sim Op$, $\sim(Op$
(2) $Fp \rightarrow Op \vee Fp$,	& $\sim Op)$,
(3) $Op \rightarrow Pp$,	(10) $Op \vee Fp \vee Pp$,
(4) $Fp \rightarrow \sim Op$,	(11) $Pp \vee \sim Op$,
(5) $Ip \rightarrow Pp$,	(12) $Op \vee Fp \vee \sim Op$,
(6) $Ip \rightarrow \sim Op$,	(13) $\sim(Op \& Fp)$,
(7) $\sim((Op \vee Fp) \& Ip)$,	(14) $\sim(Fp \& Ip)$,
$Op \vee Fp \vee Ip$,	(15) $\sim(Op \& Ip)$
(8) $Pp \vee Fp$, $\sim$	[10, с. 52]
$(Fp \& Pp)$,	

(v – или, Op – обязанность, Fp – запрет, Pp, Ip – относительное и абсолютное право).

Примем во внимание формулы: (1), (2), (4), (7), (8), (10), (12), (13), (14), которые имеют прямое отношение к нашему предмету исследования (NB – Fp), переписав их следующим образом: (1) $a \rightarrow a \vee \sim b$, (2) $\sim b \rightarrow a \vee \sim b$, (4) $\sim b \rightarrow \sim a$, (7) $\sim((a \vee \sim b) \& c)$; $a \vee \sim b \vee c$, (8) $b \vee \sim b$; $\sim(\sim b \& b)$, (10) $a \vee \sim b \vee b$, (12) $a \vee \sim b \vee \sim a$, (13) $\sim(a \& \sim b)$, (14) $\sim(\sim b \& c)$.

Все эти формулы являются теоремами большинства систем деонтической логики [10, с. 52] и, в частности, системы $S_{\pm}$. Доказывание последнего утверждения можно осуществить используя матрицы 1 или 2 Витгенштейна.

Примем, что материальная импликация, эквивалентность, отрицание, конъюнкция и дизъюнкция истинны или обобщенно имеют значение, как обычно в классической логике высказываний [4, с. 90].

1	2	3	4	5	6	7
ϕ	ψ	$\sim \phi$	$\phi \& \psi$	$\phi \vee \psi$	$\phi \rightarrow \psi$	$\phi \leftrightarrow \psi$
1	1	0	1	1	1	1
1	0	0	0	1	0	0
0	1	1	0	1	1	0
0	0	1	0	0	1	1

Тогда имеем, например (1):

1	2	3	4	5
a	$\rightarrow$	a	v	$\sim b$
1	1	1	1	0
0	1	0	0	0
0	1	0	1	1

Наличие в столбике 2 только 1 говорит о том, что это тавтология, или логический закон, в данном случае систем $S5$ и $S5_{\pm}$. Аналогично доказываются все выше представленные формулы.

Дополним изложение формулой $\sim a \leftrightarrow \sim b \vee c$, которая также является тавтологией:

1	2	3	4	5
$\sim a$	$\leftrightarrow$	$\sim b$	v	c
0	1	0	0	0
1	1	0	1	1
1	1	1	1	0

Систему $S5_{\pm}$ можно построить используя теорему, в соответствии с которой каждая формула, построенная из единственной переменной p с помощью операций $\sim$, $\&$ и $\diamond$, является в

системе $S5$ эквивалентной одной из следующих 16 формул:

(1) p,	(9) $p \& \diamond \sim p$,
(2) $\sim p$,	(10) $\sim p \vee \sim \diamond \sim p$,
(3) $\diamond p$,	(11) $\sim p \& \diamond p$,
(4) $\sim \diamond p$ (NB),	(12) $p \vee \sim \diamond p$,
(5) $\diamond \sim p$,	(13) $\diamond p \& \diamond \sim p$,
(6) $\sim \diamond \sim p$,	(14) $\sim \diamond p \vee \sim \diamond \sim p$,
(7) $p \& \sim p$,	(15) $\diamond p \& (\sim p \vee \sim \diamond \sim p)$,
(8) $p \vee \sim p$,	(16) $\sim \diamond p \vee (p \& \diamond \sim p)$
- [8, с. 140–141].

Нетрудно увидеть, что данный ряд формул соответствует матрице Витгенштейна № 2, если принять, что p имеет значение, например, 1 100, а $\diamond p$ – 1 110 (см. их полное и интересное представление в последней строке матрицы № 2). По-новому определенной случайности здесь соответствует п. (13), а абсолютному возражению – п. (4).

Кроме того, следует принять во внимание следующие аналогии: во-первых, отношение немодального (асерторического) пропозиционального исчисления к модальному пропозициональному исчислению [8, с. 24 и далее], во-вторых, отношение дефинициальной эквивалентности систем $C2$ и $C2V$ по Смирнову [9, с. 62], в-третьих, отношение между классической логикой предикатов и системой $S5$, которые во многом сходны, поскольку, в конечном итоге, используют одну и ту же матрицу Витгенштейна. Для доказательства последнего утверждения достаточно сравнить, например, метасхему № 2 Переверзева [4, с. 126] и представленную выше матрицу № 1.

Модальная интерпретация формул системы $S5_{\pm}$. Г.Х. фон Вригт предложил при интерпретировании соответствующих формальных систем использовать аналогию взаимопределимости между алетическими и деонтическими модальностями [5, с. 246]. Данная аналогия может быть расширена за счет включения в интерпретацию иных модальностей, а именно: метадеонтических и аргументативных. В таком случае можно получить расширенную таблицу (предложенную В. Трутнем [11; 12]). (В указанной таблице в юридическом контексте слово «действительный» понимается как потенциально действительный (возможный), а не как актуально действительный, т. е. собственно действительный (NB)):

– символический – числовой – алегический – деонт. – метадеонт. – аргументативный:

$a - 100$ – необходимый – обязательный – осуществимый – удовлетворительный;

$b - 110$ – возможный – относительно разрешенный – действ. – положительный;

$\sim b - 001$ – невозможный – запрещенный – недействительный – негативный (NB);

$\sim a - 011$ – не необходимый – не обязательный – неосуществимый – не удовлетв.;

$c - 010$ – случайный – абсолютно разрешенный – исключительный (действительный, но неосуществимый) – исключительный;

$\sim c - 101$ – неслучайный – отрицание абсолютного разрешения – неисключительный (отрицание действительности, но неосуществимости) – неисключительный.

Цифры во втором столбике заимствуются из так называемой матрицы Витгенштейна № 1. Интерес представляют следующие интерпретации формул: (1), (2), (4), (7), (8), (10), (12), (13), (14):

Метадеонтическая интерпретация. (1) $a \rightarrow a \vee \sim b$ – если право требования юридически осуществимо, то оно является юридически не исключительным; (2) $\sim b \rightarrow a \vee \sim b$ – если право юридически недействительно, то оно (также) является юридически неисключительным; (4) $\sim b \rightarrow \sim a$ – если право недействительно, то оно же и неосуществимо; (7) $\sim((a \vee \sim b) \& c)$ – неверно, что право неисключительно (осуществимо или недействительно) и исключительно одновременно, $a \vee \sim b \vee c$ – юридический модальный универсум состоит в особенности из осуществимости, недействительности и исключительности права, т. е. любое право осуществимо, или недействительно, или исключительно; (8) $b \vee \sim b$ – право действительно или недействительно, $\sim(\sim b \& b)$ – неверно, что право и действительно и недействительно одновременно; (10) $a \vee \sim b \vee b$ – модальный универсум состоит (также) из осуществимости, недействительности и действительности, т. е. право осуществимо, или недействительно, или действительно; (12) $a \vee \sim b \vee \sim a$ – юридический универсум состоит из

осуществимости, недействительности и неосуществимости, т. е. право осуществимо, или действительно, или неосуществимо; (13) $\sim(a \& \sim b)$ – неверно, что право осуществимо и недействительно одновременно; (14) $\sim(\sim b \& c)$ – неверно, что право недействительно и исключительно (NB последнюю интерпретацию, которая обозначает, что абсолютные и относительные (= исключительные) возражения не могут применяться вместе в одном и том же отношении).

Формула $\sim a \leftrightarrow \sim b \vee c$ обозначает, что любое возражение в праве является логической суммой относительного и абсолютного возражения, т. е. любое возражение абсолютно или относительно (исключительно).

Аргументативная интерпретация. Если согласиться с тем, что негативные условия применения нормы имеют, по определению, то же значение, что и такая характеристика права, как его недействительность, то понятно, что импликативное отношение между такого рода условиями и такого рода характеристикой будут тавтологией в смысле Витгенштейна, т. е. логическим законом.

Совокупная интерпретация. Изложенное выше позволяет сказать, что если условия применения нормы негативны, то право требования является недействительным.

Данные интерпретации релевантны в теории основных норм права [11; 13, с. 51; 14, с. 46 и дальше], включающей два вида возражений (абсолютное и относительное), а также юридически обоснованное право требования, т. е. такое право, которое объективно (и, возможно, субъективно) не имеет никаких юридических возражений.

Выводы. Таким образом, в рамках формально-модального конституирования материально-правового абсолютного возражения следует сказать следующее: во-первых, в формальном смысле материально-правовое абсолютное возражение в системах $S5$ или $S5\pm$ обозначается символом $\sim b$ или числами 001 и 0001 (см., в частности, расширенную нами схему А. Ивина), во-вторых, в метадеонтическом отношении материально-правовое абсолютное возражение представляет собой такую характеристику права требования, как ее юридическая недействи-

тельность, которая в аргументативном плане, по определению, соотносится с негативными условиями применения правовой нормы.

В результате, материально-правовое абсолютное возражение можно определить (в формально-модальном отношении) как такую характеристику правовой нормы, которая сводится к юридической (не включающей фактическую) недействительности права требования, обосновываемой негативными условиями применения соответствующей нормы.

Дальнейшее развитие исследования материально-правового абсолютного возражения возможно как путем анализа упомянутых выше апеллятивно-коммуникативного и коррелятивно-конституирования такого рода возражения, так и с помощью определения его методологического значения в процессе применения права.

Список использованной литературы:

1. Павлюк А.Г. Поняття відведення, яке перешкоджає виникненню цивільного суб'єктивного права вимоги кредитора / А.Г. Павлюк // Наук. вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць. – Вип. 636 «Правознавство». – Чернівці : ЧНУ, 2012. – С. 79–82.
2. Павлюк А.Г. Поняття відведення, яке припиняє цивільне суб'єктивне право вимоги кредитора, що раніше виникло / А.Г. Павлюк // Наук. вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць. – Вип. 644 «Правознавство». – Чернівці : ЧНУ, 2013. – С. 92–95.
3. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.
4. Переверзев В.Н. Логистика: Справочная книга по логике / В.Н. Переверзев. – М. : Мысль, 1995. – 221 с.
5. Вригт Г.Х. Логико-философское исследования : избр. тр. / Г.Х. Вригт ; общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова ; сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1986. – 600 с.
6. Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
7. Joerden J.C. Logik im Recht: Grundlagen und Anwendungsbeispiele /

J.C. Joerden. – 2., überarb. u. erg. Aufl. – Heidelberg etc : Springer, 2010. – 424 S.

8. Фейс Р. Модальная логика / Р. Фейс. – М. : Наука, 1974. – 520 с.

9. Логико-философские труды В.А. Смирнова / отв. ред. В.И. Шалак ; Институт философии. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – 592 с.

10. Ивин А.А. Логика норм / А.А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 121 с.

11. Трутень В.В. Формальна система цивільного права: її інтерпретація та методологічне значення / В.В. Трутень // Проблеми філософії права. – 2012. – Т. 8–9. – С. 370–377.

12. Трутень В.В. Комбінована п-мірна юридична логіка: в застосуванні до експлікації цивільно-правового поняття «правіж» / В.В. Трутень // Логіка і право: матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції «Логіка і право». Харків, 11 травня 2012 р. / науковий редактор: д-р філос. наук, проф. О.М. Юркевич. – Х., 2012. – С. 131–134.

13. Шапп Я. Система германского гражданского права : [учебник] / Я. Шапп. – М. : Междунар. отношения, 2006. – 360 с.

14. Циппеліус Р. Юридична методологія / Р. Циппеліус ; пер., адапт., прикл. з права України і список термінів Р. Корнута. – К. : Реферат, 2004. – 176 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗРАСТЕ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр ПЛАШОВЕЦКИЙ,
аспирант

ЧВУЗ «Львовский университет бизнеса и права»

Summary

The article analyzes history of legal age of victim of crime. During the stay of Ukrainian lands in the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth trend of increasing age of the person whose achievement a person could be prosecuted. Even while Ukrainian lands in the Russian Empire in the domestic criminal law there is a differentiated approach to establish age, the achievement of which a person could be subject to criminal liability.

Key words: age, law, offense, criminal liability, person, state, child protection.

Аннотация

В статье проанализирована история развития законодательства о возрасте потерпевших от преступлений. Во время пребывания украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой наблюдается тенденция к увеличению возраста, с достижением которого лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности. Уже во время пребывания украинских земель в составе Российской империи в отечественном уголовном законодательстве появляется дифференцированный подход к установлению возраста, с достижением которого лицо могло подлежать уголовной ответственности.

Ключевые слова: возраст, закон, субъект преступления, уголовная ответственность, лицо, государство, защита прав ребенка.

Постановка проблемы. Проблема потерпевшего от преступления в уголовном праве имеет глубокие исторические корни, которые уходят во времена становления этой отрасли знания. Первые упоминания о возрастных особенностях пострадавших можно встретить в источниках права Киевской Руси, в частности в древнерусских княжеских уставах. Один из самых известных – это Устав князя Владимира Святославовича, который относится к XII – XIV вв. и существует более чем в 200 списках. В уставе содержится перечень проступков, которые рассматривались как преступление и которые передавались в компетенцию церкви, однако в нем ничего не сказано о мерах наказания за эти преступления. Также в этом уставе упомянуты лица, которых передавали в ведение церкви.

Другим княжеским уставом, который имеет большое значение для исследования уголовного права Древнерусского государства, является Устав Ярослава Мудрого. До нас не дошло ни одного устава князя Ярослава в его первоначальном виде – все его редакции менялись со временем, но архетип устава сложился в XI – начале XII вв.

Всего известно около 100 списков устава, которые разделяют на 6 редакций. Одни из самых ранних из них датируются последней четвертью XV в., а поздние – XIX вв.

Актуальность темы. Именно в Уставе князя Ярослава Мудрого была закреплена защита права ребенка на жизнь (ст. 6, установившая ответственность за детоубийство). Убийство незаконнорожденного ребенка каралось заключением в монастырской учреждении. К детоубийству приравнивался и аборт. Рассмотрение дела о совершении убийства относилось к церковной юрисдикции.

Наказание за детоубийство в Киевской Руси изначально не имело такого жесткого характера, как в средневековой Европе. Детоубийство долгое время считалось не преступлением, а грехом. Каноническое византийское право, отраженное в уставе князей Владимира, Ярослава Мудрого, видело в детоубийстве прежде всего посягательство не на жизнь, а на христианские устои семьи и нравственности. По сравнению с жестокими наказаниями в Европе, церковные уставы предусматривали только церковное покаяние – епитимии (трехлетний пост).